Юрій Веселовскій.

О ПОРЧѢ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

Юрій Веселовскій.

О ПОРЧѢ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (1915 г., № 6).

О порчѣ русскаго языка.

Когда преподаватель русскаго языка и словесности приноситъ въ классъ просмотрѣнныя и исправленныя имъ ученическія сочиненія, ему, волей-неволей, приходится касаться въ первую очередь тѣхъ орѳографическихъ ошибокъ, которыя попадаются въ этихъ работахъ, объяснять ихъ или, еще лучше, добиваться того, чтобы учащіеся сами поняли свои ошибки и смогли объяснить, почему то или другое написаніе неправильно. Если сочиненіе дано было «по курсу», особую группу составляютъ неизмѣнно ошибки фактическія, смѣшеніе именъ и событій, неточная передача содержанія произведеній, невѣрныя хронологическія данныя, спорныя характеристики и оцѣнки. На ряду съ этимъ, должны, конечно, отмѣчаться недо-
ты слога,—неправильныя, тяжелыя, запутанныя фразы,
ло употребительные или совсѣмъ невозможные оборо-
, самодѣльныя слова, повторенія, созвучія и т. п. Часть
ихъ недочетовъ всецѣло относится къ области синта-
са и можетъ быть такъ же легко объяснена ссылкою на
твѣтствующія правила, какъ и ошибки орѳографическія.
Но есть и такіе дефекты, которые, повидимому, не
дставляютъ собою ничего вопіющаго и недопустима-
не относятся къ категоріи грубыхъ промаховъ,—и
же должны быть отмѣчены, какъ вредящіе общему
атлѣнію, производимому работою, и безусловно не-
тельные. Ошибочность такого рода словъ и выраже-
всего менѣе очевидна и убѣдительна для учащихся.

Они видятъ, что всѣ слова, ими употребленныя въ извѣстномъ случаѣ, въ отдѣльности вполнѣ правильны, не представляютъ собою чего-либо самодѣльнаго или искаженнаго, и недоумѣваютъ, почему же «такъ нельзя выражаться», въ чемъ же тутъ дѣло, почему это ставится имъ въ вину. Объяснить эту категорію дефектовъ неизмѣримо труднѣе, чѣмъ растолковать ороографическія, фактическія или синтаксическія ошибки. Во многихъ случаяхъ учащіеся должны обладать извѣстною долею внутренняго чутья, пониманіемъ духа русскаго языка, стремленіемъ писать не только правильно, но по возможности и красиво, чтобы самимъ признать нежелательными и нетерпимыми иные обороты, съ виду какъ будто не заключающіе въ себѣ ничего противорѣчащаго правиламъ или безграмотнаго въ слоговомъ отношеніи.

Не всѣ преподаватели имѣютъ терпѣніе заносить въ записную книжку тѣ дефекты и шероховатости слога, которые въ разное время имъ приходилось отмѣчать въ ученическихъ работахъ. Инымъ это кажется слишкомъ скучнымъ и кропотливымъ, не заслуживающимъ серьезнаго вниманія, увѣковѣчивающимъ иногда такіе курьезы и нелѣпости, которые безусловно не стоятъ этого. Другіе, наоборотъ, имѣютъ терпѣніе записывать для памяти хотя бы самое яркое и поразительное, что имъ приходится наблюдать и подмѣчать въ этой области. Такимъ путемъ создаются съ годами своеобразныя «копилки курьезовъ», тѣмъ болѣе обширныя, чѣмъ дольше и тщательнѣе заноситъ въ нихъ преподаватель всѣ сколько-нибудь яркіе примѣры игнорированія духа русскаго языка или безцеремоннаго обращенія съ нимъ. Взятая въ отдѣльности, каждая такая коллекція записныхъ книжекъ представляетъ, быть можетъ, лишь частный, ограниченный интересъ, — но изъ совокупности наблюденій, сдѣланныхъ на разныхъ концахъ Россіи преподавателями русскаго языка, могутъ быть извлечены весьма яркія и поучительныя обобщенія, характеризующія то, что хотѣлось бы назвать порчею рус-

скаго языка, т.-е. отступленіемъ отъ его основныхъ правилъ, непониманіемъ его духа, совершенно равнодушнымъ отношеніемъ къ вопросу о томъ, какъ можно и какъ нельзя писать.

Извѣстные недочеты, какъ постоянное, прочно укоренившееся явленіе, несомнѣнно, констатировалось преподавателями самыхъ разнородныхъ учебныхъ заведеній. Сходныя или тожественныя стилистическія ошибки отмѣчались въ различныхъ мѣстностяхъ, иногда на протяженіи 10—15 лѣтъ. Есть, конечно, и чисто-индивидуальныя, единичныя ошибки или своеобразныя особенности слога, которыя могутъ попасться въ одномъ сочиненіи и отсутствовать во всѣхъ другихъ. На ряду съ этимъ, въ той печальной порчѣ языка, съ которою приходится постоянно имѣть дѣло преподавателю русской словесности, можно прослѣдить подчасъ точно какую то странную послѣдовательность и методичность, какъ будто иныя правила представляютъ наибольшую трудность для пишущихъ, и ихъ поэтому особенно легко нарушаютъ. Возможно и такое предположеніе, что въ иныхъ вопросахъ ни у кого нѣтъ желанія и терпѣнія разбираться и завѣдомо неудачные или невозможные по-русски обороты ставятся иногда лишь вслѣдствіе того, что учащіеся не даютъ себѣ труда болѣе вдумчиво и внимательно отнестись къ дѣлу...

Какъ бы то ни было, если бы сопоставить наблюденія и запасы отдѣльныхъ преподавателей, столичныхъ и провинціальныхъ, въ нихъ оказалось бы много общаго и сходнаго, являющагося весьма цѣннымъ матеріаломъ для тѣхъ, кто дорожитъ правильною постановкою преподаванія родного языка въ школѣ, наводящаго на много мыслей. И возможно, что тогда еще болѣе выяснилась бы необходимость энергичной борьбы съ искаженіемъ богатаго и выразительнаго языка, начинающимся въ школѣ и продолжающимся въ жизни, которая сама, въ свою очередь, вліяетъ на школу, парализуя то, что послѣдняя старается все же дѣлать по части пріученія молодежи къ болѣе

правильной, обработанной, очищенной отъ шероховатостей рѣчи...

Въ основѣ настоящаго очерка лежатъ наблюденія, относящіяся къ періоду 1903—14 гг. и связанныя съ нѣсколькими столичными женскими гимназіями, въ которыхъ приходилось дѣйствовать пишущему эти строки. Наблюденія эти—результатъ просмотра многихъ тысячъ классныхъ и домашнихъ работъ, написанныхъ ученицами не ниже V класса (*главнымъ образомъ VI—VIII*) и заключавшихъ въ себѣ не мало любопытнаго для сужденія о томъ, каковы главные дефекты слога учащейся въ средней школѣ молодежи, подъ какіе основные типы можно ихъ подвести. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ использована только часть матеріала, естественно, весьма обширнаго и разнообразнаго, взяты, думается, довольно характерные примѣры, но, въ то же время, поневолѣ откинуто многое, въ своемъ родѣ—не менѣе краснорѣчивое и показательное. Примѣры эти заимствованы изъ сочиненій, написанныхъ на историко-литературныя темы, (затрогивались былины, «Борисъ Годуновъ», повѣсти Пушкина, комедіи Фонвизина, дѣятельность Карамзина, романы Гончарова, «Записки охотника», «Гроза», «Антонъ Горемыка», драмы Шекспира и т. д.). Во избѣжаніе сбивчивости и чрезмѣрной пестроты, я постараюсь подвести разнообразные недочеты или курьезы ученическаго слога подъ извѣстныя группы и категоріи, хотя во многихъ случаяхъ строгая диференціація представляетъ собою нѣчто весьма нелегкое, и иныя шероховатости слога не всегда можно отнести къ тому или другому отдѣлу...

Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду не простое коллекціонированіе иногда совершенно невѣроятныхъ и анекдотическихъ ошибокъ, способныхъ вызвать у иныхъ невольную улыбку или смѣхъ, но нѣчто другое: посильный вкладъ въ дѣло изученія того, что представляетъ собою нерѣдко русскій языкъ подъ перомъ ученицъ нашей средней школы, выясненія всѣхъ

тѣхъ особенностей письменной ученической рѣчи, съ которыми преподавателямъ русскаго языка нужно бороться соединенными силами. Въ заключительной части очерка хотѣлось бы коснуться вопроса о томъ, что главнымъ образомъ создаетъ всѣ эти шероховатости и невозможные обороты, въ какой мѣрѣ окружающая дѣйствительность вліяетъ въ этомъ случаѣ на учащуюся молодежь, прививая ей цѣлый рядъ неправильностей и неточностей рѣчи и отвлекая ее отъ хорошихъ литературныхъ образцовъ, и т. п.

Значительная часть стилистическихъ ошибокъ, попадающихся въ гимназическихъ сочиненіяхъ, относится, какъ уже было отмѣчено выше, къ области синтаксиса. Иныя изъ нихъ показались бы иностранцу, еще только изучающему русскій языкъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что по-русски, очевидно, не существуетъ вообще никакихъ правилъ, касающихся строенія фразы, связи отдѣльныхъ частей предложенія между собою, управленія глаголовъ предлогами... Въ самомъ дѣлѣ, иногда получается необыкновенная путаница, для избѣжанія которой, казалось бы, вовсе не нужно даже обладать знаніемъ синтаксиса, а просто нужно лучше знать свой языкъ и понимать его духъ... Тамъ, гдѣ должно стоять косвенное дополненіе, нерѣдко появляется прямое, и наоборотъ,— тамъ, гдѣ мы ожидали бы встрѣтить одинъ изъ косвенныхъ падежей существительнаго, безъ всякаго предлога, неожиданно вводится совершенно невозможное соединеніе этого существительнаго съ первымъ попавшимся предлогомъ, невольно производящее впечатлѣніе какого-то варваризма, — настолько оно чуждо русскому языку; наконецъ, вмѣсто одного предлога нерѣдко появляется другой, абсолютно недопустимый въ данномъ случаѣ, такъ что даже тѣ, кто употребляетъ его въ письменной работѣ, едва ли сдѣлали бы это въ устной рѣчи... Чтобы не быть голословнымъ и пояснить, что имѣется здѣсь въ виду, считаю нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, иллю-

стрирующихъ одинъ изъ видовъ отступленія отъ правилъ синтаксиса, который, къ сожалѣнію, слишкомъ часто попадается въ гимназическихъ сочиненіяхъ: «сына своего она благоволитъ», «надежда въ успѣхъ», «патріотизмъ къ Россіи», «желаніе къ иноческой жизни», «мысль на свободу», «описаніе о свадьбѣ», «тревога на будущее», «хвастать о своихъ заслугахъ», «народъ надѣлилъ богатырю положительныя черты», «помощь въ деньгахъ» (деньгами), «съ моего взгляда» («вм. «на мой взглядъ»), «они сблизились по вопросамъ къ реформамъ» и т. п.

Очень много дефектовъ связано обыкновенно съ построеніемъ предложенія, которое многимъ совершенно не дается, вслѣдствіе чего получается нерѣдко нѣчто тягучее, нескладное и безжизненное. Иногда можно встрѣтить періодъ, занимающій цѣлую страницу ученической тетрадки, такъ что требуется извѣстное напряженіе, чтобы его одолѣть,—и почти невозможнымъ оказывается распутать его хитросплетенную конструкцію... Въ подобныхъ случаяхъ прямо диву даешься,—во что можно, при желаніи, обратить свободно льющійся и выразительный русскій языкъ! Если сочиненіе—классное или вообще написано наспѣхъ, безъ достаточной отдѣлки, не исключена возможность появленія въ немъ такого придаточнаго предложенія, которое окажется какъ бы совершенно независимымъ, такъ какъ мы тщетно будемъ искать того главнаго, къ которому оно относится. Всѣмъ этимъ, однако, далеко не исчерпываются тѣ нарушенія правильной конструкціи фразы, которыя нерѣдко попадаются въ работахъ гимназистокъ. Эти нарушенія до безконечности разнообразны,—и преподавателю въ отдѣльныхъ случаяхъ нужно обладать извѣстнымъ профессіональнымъ опытомъ и чутьемъ, чтобы выяснить, что хотѣла сказать писавшая, которая нерѣдко даже сама не бываетъ въ состояніи разобраться, черезъ 2—3 недѣли, въ томъ, что тогда было ею написано, и запутывается въ собственной конструкціи, въ непонятномъ, произвольномъ сочетаніи отдѣльныхъ частей

предложенія, которое было ею допущено. Что сказать, напримѣръ, о такихъ фразахъ или частяхъ фразъ: «внѣшнихъ свойствъ образованія умственное и нравственное воспитаніе отодвинулось на второй планъ»; «со связью съ чувствительностью стоитъ гуманное отношеніе къ людямъ»; «въ повѣстяхъ Пушкина находятъ себѣ подтвержденіе въ произведеніяхъ другихъ писателей»; «несмотря на отрицательныя свойства, Алешѣ не мѣшаютъ быть храбрымъ»; «о помѣщеніи, гдѣ жили крестьяне, было неуютное»; «зависть у великаго поэта поднимается на борьбу между справедливостью»; «типъ барышни, получившійся модное воспитаніе,—и типъ дѣвушки, ничѣмъ не интересующійся и не выѣзжавшійся никуда».

Отмѣтимъ также ошибки въ такихъ выраженіяхъ или *сочиненіяхъ словъ*, которыя, повидимому, можно было бы считать общеизвѣстными, не вызывающими никакихъ сомнѣній, прочно установленными,—и которыя, однако, также представляютъ иногда затрудненія для гимназической молодежи, вносящей ихъ на страницы классныхъ и домашнихъ сочиненій въ измѣненномъ или прямо искаженномъ видѣ. Что можетъ быть, казалось бы, проще такихъ сочетаній словъ, какъ «приносить пользу», «оказывать услуги», и т. п.,—между тѣмъ преподавателямъ русскаго языка нерѣдко приходится сталкиваться съ замѣною въ этомъ случаѣ одного глагола или существительнаго другимъ, вслѣдствіе чего получаются выраженія, звучащія совсѣмъ не по-русски: «оказывать пользу», «сыграть большое значеніе», «дать извѣстную долю благодарности», «оказывать заслуги», «принимая въ виду», «сдѣлать побѣды», «природа имѣла значеніе на творчество поэта». По сравненію съ такого рода погрѣшностями, чѣмъ-то менѣе важнымъ, обыденнымъ кажется совершенно неискоренимое, повидимому, въ стѣнахъ средней школы неправильное сокращеніе придаточныхъ предложеній обстоятельства времени,—получающихъ, напр., такую форму: «читая описаніе усадьбы, является впечатлѣніе большой зажиточности»...

Наряду съ синтаксическими ошибками, образцы которыхъ только что были приведены, есть особая группа дефектовъ слога, которая выражается въ неумѣніи выбрать и употребить въ томъ или другомъ случаѣ подходящія слова, откидывая все то, что неумѣстно или нарушаетъ общій колоритъ повѣствованія, разбираясь, съ другой стороны, въ синонимахъ, дѣлая различіе между созвучными словами одного корня, имѣющими, однако, совершенно разное значеніе. По старой теоріи словесности отъ слога требовалось, на ряду съ «правильностью, точностью, ясностью» и пр., также «соотвѣтствіе предмету»... Это требованіе не такъ уже отжило свой вѣкъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Пусть мы далеко ушли отъ теоріи трехъ «штилей», съ рѣзкимъ разграниченіемъ между ними и боязнью всѣхъ сколько нибудь смѣлыхъ и непривычныхъ выраженій: есть все же въ этомъ отношеніи извѣстный *minimum*, который долженъ соблюдаться и въ наши дни. Учащіеся обыкновенно мало считаются съ этимъ и часто вполнѣ искренно недоумѣваютъ потомъ, почему то или другое слово, существующее въ русскомъ языкѣ, употребляющееся въ разговорной рѣчи, признается вдругъ неумѣстнымъ въ домашней или классной работѣ, почему преподаватель возстаетъ противъ такихъ словъ, какъ «врунъ», «удрать», «продернуть», «мнѣ влетѣло» и т. п., подчеркиваетъ такія фразы, какъ «фонвизинскій совѣтникъ—взяточникъ и лебезила», «общество оцѣнило красоту и изюминку *Горя отъ ума*», «новое просвѣщеніе еще не укоренилось, старое уже отошло,—и вышла каша»... Иногда ученицы вредятъ своимъ сочиненіямъ, особенно экзаменнымъ, тѣмъ, что пишутъ ихъ въ слишкомъ легкомъ, почти фельетонномъ духѣ, вставляютъ въ нихъ вдругъ анекдоты, вводятъ почти что шуточный элементъ,—повидимому не сознавая, что здѣсь все это неумѣстно, что сочиненіе должно носить, по слогу совсѣмъ другой характеръ. Многимъ не удается выдержать мѣстный и историческій колоритъ въ

тѣхъ случаяхъ, когда тема затрогиваетъ прошлое,—и вотъ оказывается, что Великій Новгородъ былъ *провинціей* древней Руси, что Илья Муромецъ очень любилъ *трактиръ*, что Простакова заставляетъ сына учиться, такъ какъ вышелъ соотвѣтствующій *циркуляръ*...

Что касается упомянутаго выше употребленія одного слова вмѣсто другого, похожаго на него, близкаго по смыслу или одинаковаго по корню, то можно привести немало примѣровъ этого смѣшенія, иногда невольно производящихъ впечатлѣніе какого-то каламбура, но всегда свидѣтельствующихъ о равнодушномъ отношеніи къ вопросу о *точности* рѣчи и готовности поставить въ томъ или другомъ случаѣ первое попавшееся слово, хотя бы оно означало что-либо другое. Такимъ образомъ, вмѣсто «тургеневскіе *персонажи*» (замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ словѣ вообще не было нужды, такъ какъ можно было съ успѣхомъ поставить просто: «дѣйствующія лица» Т.) появляются «тургеневскіе *персоналы*»... Помѣстное дворянство превращается въ *помѣщичье*, гуманное отношеніе къ народу — въ *гуманизмъ*. Но подобнаго рода смѣшеніе можетъ быть констатировано и тамъ, гдѣ должны были быть поставлены весьма простыя, обыденныя слова, которыя, однако, все-таки замѣняются другими: «*жители* дореформенной эпохи», «недостатки и достатки (вм. *достоинства*) русскаго народа», «воры возникли (вм. *вышли*) изъ среды крѣпостныхъ», «земли, съ населенными на нихъ крестьянами», «перечитанные (вм. *перечисленные*) герои», «Иванъ дичился образованія», «Добрыня раскаивается (вм. *жалѣетъ*), что родился богатыремъ», «допытывать имя», «проводить въ цѣль (вм. *въ жизнь*) свои идеи», «его можно сопоставить (вм. *противопоставитъ*) герою Пушкина» и. мн. др.

Не буду чрезмѣрно умножать примѣры, иллюстрирующіе эту весьма распространенную категорію дефектовъ ученическихъ работъ, но не могу не поставить особо двухъ характерныхъ фразъ, гдѣ это употребленіе одного

слова вмѣсто другого привело къ совершенно неожиданнымъ результатамъ: «всѣ приносили свои дары въ общую жертвовательницу»; «дочери короля Лира рѣшили власти своего отца-добродѣтеля»...

Изъ другихъ особенностей гимназическихъ работъ, вредящихъ производимому ими впечатлѣнію, о нѣкоторыхъ едва ли стоитъ говорить болѣе или менѣе подробно. Къ ихъ числу относится, напримѣръ, частое употребленіе однихъ и тѣхъ же словъ, придающее слогу однообразный и тяжелый характеръ, такъ какъ подобное повтореніе вообще дѣйствуетъ и въ устной, и въ письменной рѣчи необыкновенно утомительно... Иногда эта монотонность изложенія и скудость словаря пишущей еще не такъ бросаются въ глаза, но случается и такъ, что одно и то же слово, напримѣръ, «является», «представляетъ собой», «замѣчательно тѣмъ», «мы находимъ», «слѣдуетъ отмѣтить» и т. п., фигурируетъ на страницѣ разгоннаго почерка 10—12 разъ. Совершенно исключительнымъ примѣромъ повторенія одинаковыхъ или сходныхъ словъ является слѣдующее начало фразы въ одномъ гимназическомъ сочиненіи: «возвеличеніе личности великаго лица...» Нерѣдко можно сталкиваться съ такими предложеніями, какъ «произведеніе это производитъ впечатлѣніе», «въ другомъ разсказѣ Тургеневъ передаетъ намъ разсказъ...» «богатый богатырь», «разнообразнымъ образомъ», «чѣмъ чѣмъ либо»; попадается и открытая тавтологія: «молодой юноша», «юная молодость» и пр.

Если въ иныхъ случаяхъ слишкомъ ясно чувствуется, что въ распоряженіи пишущей находится весьма ограниченный запасъ словъ, вслѣдствіе чего неизбѣжно появляются повторенія, и создается томительная монотонность изложенія, то, на ряду съ этимъ, мнѣ приходилось иногда (конечно, значительно рѣже) имѣть дѣло съ обратнымъ явленіемъ: *выдумываніемъ новыхъ* словъ, которыя смѣло вставляются учащимися въ сочиненіи, хотя ихъ не найдешь ни въ одномъ словарѣ. Иногда эти самодѣльныя слова вводятся

совершенно безсознательно; та, которая это дѣлаетъ, и не думаетъ о томъ, что изъ-подъ ея пера выходятъ своего рода неологизмы; есть, на ряду съ этимъ, ученицы, которыя искренно убѣждены въ томъ, что такое то слово, ими придуманное, учень удачно и выразительно, при случаѣ готовы даже отстаивать его передъ преподавателемъ. Это можно сопоставить съ характеризующею единичныхъ учениць склонностью придумывать свои собственные знаки, замѣняющіе собою обычное начертаніе тѣхъ или другихъ буквъ; пишущему эти строки сейчасъ вспоминается нѣсколько своеобразныхъ «буквъ» для обозначенія *ж*, *ч*, *ѣ* и нѣкоторыхъ другихъ звуковъ... Эти новыя буквы появлялись иногда даже въ экзаменаціонныхъ работахъ, гдѣ это могло въ отдѣльныхъ случаяхъ повести къ извѣстнымъ осложненіямъ, такъ какъ нельзя было ручаться, что всѣ лица, которыя будутъ просматривать работу, одинаково терпимо отнесутся къ подобному обогащенію русскаго алфавита самодѣльными знаками.

Вернемся, однако, къ новымъ словамъ, которыя иныя ученицы намѣренно или же безсознательно («развѣ такъ не говорятъ? а мнѣ казалось, что я это слово встрѣчала у какого-то очень хорошаго писателя») вводятъ въ свои работы. Достаточно извѣстно, какъ трудно упрочить въ языкѣ тѣ или другіе неологизмы, какъ неудачны и безжизненны бываютъ они подчасъ даже тогда, когда ихъ пускаютъ въ обращеніе опытные и, повидимому, хорошо понимающіе духъ родного языка писатели: нельзя было, конечно, ожидать, что ученическія самодѣльныя слова будутъ, наоборотъ, ярки и полны жизни. И все же становится иногда больно за русскій языкъ при видѣ тѣхъ экспериментовъ, которые надъ нимъ производятся учащейся молодежью, въ частности — въ видѣ навязыванія ему нескладно придуманныхъ и сфабрикованныхъ словъ. Вотъ нѣсколько такихъ «неологизмовъ», взятыхъ изъ сочиненій различныхъ годовъ: «приторство», «безразсудительный», «разбойство», «добродушность», «дикій безудержъ»,

«благосостоятельность», «проводитель», «самоунаслажденіе», «совопоставленіе», «стоячность», коснѣлость», «насмѣхательство», «благородность», «безразсудочный», «отмѣненіе», «онъ сродняется», «разновѣрцы», и мн. др. Въ общемъ вопросъ о словахъ, сочиняемыхъ учащимися, заслуживаетъ, безусловно, вниманія и долженъ представить особый интересъ для преподавателей русскаго языка, изъ которыхъ каждый может вспомнить немало любопытнаго и характернаго изъ этой области.

Порча русскаго языка въ гимназическихъ работахъ выражается, однако, не только въ тѣхъ формахъ, которыя отмѣчены были выше. Въ конечномъ итогѣ остается значительное количество дефектовъ, которые нельзя подвести подъ ту или другую категорію, но которые являются подчасъ однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, производящихъ особенно непріятное впечатлѣніе. Рѣчь идетъ о такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ каждое слово въ отдѣльности можетъ быть даже вполнѣ правильнымъ, а изъ сочетанія ихъ получается что-то невѣроятное! Повторяю, можно безъ особаго труда объяснить не только этимологическую, но синтаксическую ошибку, сославшись на то или другое правило, можно доказать, что никто не долженъ ни говорить, ни писать: «романисты стали изобразить жизнь», «правда всегда восторжествовала», «литература стала быть выраженіемъ жизни», «полководецъ началъ итти и дѣлать побѣды». Когда же особаго нарушенія правилъ не было совершено, всѣ виды глаголовъ поставлены вѣрно, предлоги управляютъ тѣми падежами, какими имъ полагается, но та или другая фраза все же остается непріемлемой, это очень часто кажется учащимся мало убѣдительнымъ.

Иногда получается просто безсмыслица, весь ужасъ которой отнюдь не умаляется тѣмъ, что она составлена, быть можетъ, изъ вполнѣ «вѣрныхъ» словъ. Эта безсмыслица въ отдѣльныхъ случаяхъ становится очевидною и для тѣхъ, кто въ ней повиненъ,—послѣ то-

го, какъ фраза прочитывается вслухъ при разборѣ сочиненія; въ тотъ моментъ, когда она появлялась на бумагѣ, писавшая совершенно не чувствовала ея несостоятельности. Что можно, напримѣръ, сказать о такихъ предложеніяхъ: «Екатериною была осмѣяна подражательность русскихъ людей и дурного, гуманнаго отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ», «она спрашивала непонятные для нея вопросы, внимательно выслушавъ отвѣтъ», «на Западѣ идутъ развалины», «познакомимся съ типами крестьянства эпохи просвѣщеннаго рабства», и т. д. Это несомнѣнно стóитъ тѣхъ образчиковъ синтаксической безграмотности и наивности, о которыхъ рѣчь шла выше.

Едва ли нужно извѣстнымъ образомъ группировать тѣ образчики порчи родного языка, о которыхъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, или сопровождать ихъ комментаріями: они достаточно краснорѣчивы и безъ этого. Читатель самъ замѣтитъ, какого рода недостатки всего ярче отразились въ той или другой фразѣ. Изрѣдка эти фразы неожиданно производятъ впечатлѣніе какъ бы извѣстной двусмысленности,—но это происходитъ совершенно невольно, въ большинствѣ случаевъ пишущая необыкновенно далека отъ чего-либо подобнаго и такъ же мало сознаетъ производимый ея фразою эффектъ, какъ и тѣ ученицы, которыя вставляютъ въ свои сочиненія слова и обороты, способные вызывать улыбку или смѣхъ... Очень часто въ тѣхъ образчикахъ, которые приведены дальше, бросается въ глаза отсутствіе вкуса и желаніе придать фразѣ болѣе или менѣе красивую и законченную форму,— или, наоборотъ, стремленіе выражаться помудренѣе, которое, какъ извѣстно, всегда приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ... Во всякомъ случаѣ, безъ этого добавочнаго отдѣла, быть можетъ нѣсколько пестраго по составу, обзоръ того, что представляетъ собою подчасъ русскій языкъ въ гимназическихъ сочиненіяхъ, былъ бы не полонъ, и нельзя было бы перейти въ дальнѣйшемъ къ выясненію вопроса о томъ, чѣмъ объясняется эта зло-

счастная порча языка, что ее создаетъ, какія вліянія со стороны играютъ здѣсь роль. Думается, что въ интересахъ дѣла—нѣсколько увеличить на этотъ разъ количество выписокъ и цитатъ, взятыхъ наудачу изъ классныхъ и домашнихъ сочиненій за промежутокъ времени въ 10—12 лѣтъ.

«Преобразователь внутреннихъ реформъ»; «Карамзинъ высказывалъ единодержавіе»; «потомъ разочарованіе—такимъ лицомъ является Эрастъ»; «читались только морали и сокрушенія»; «въ письмахъ было согласовано серьезное чтеніе съ легкимъ»; «гуманное отношеніе къ искусству и литературѣ»; «Мироновъ полною грудью защищаетъ крѣпость»; «слезы всѣхъ обездоленныхъ текли къ поэту»; «внутри Бориса Годунова лежатъ свѣтлыя черты»; «Россія не отличалась умомъ»; «Петръ Великій первый далъ перерожденіе русскому»; «народная жизнь въ Екатерининскія времена жила во дворцѣ императрицы»; «неразвитые, немощеные города»; «милая дѣвочка (рѣчь идетъ о Фатимушкѣ, изъ повѣсти Григоровича «Антонъ Горемыка») позволяетъ отдохнуть читателю на себѣ отъ тяжелыхъ переживаній»; «аккуратно продолговатый носъ»; «Пушкинъ сопровождалъ историческія событія цѣлымъ рядомъ илюстрированныхъ картинъ природы»; «русское общество стало сознавать свою образованную отсталость»; «Катерина идетъ на свиданіе къ Борису, желая удовлетворить своимъ страстямъ»; «онъ отличался дурными недостатками»; «благодаря незнакомству и близкому соединенію съ жизнью»; «Штольцъ и Ольга головами привязаны къ участи меньшихъ братій»; «въ это время года Пушкинъ былъ особенно плодотворенъ»; «люди 40-хъ годовъ ушли въ голову»; «воспитаніе, среди котораго вращался поэтъ»; «громадное значеніе имѣло крѣпостное право въ жизни позорнаго рабства русскаго народа»; «общественная жизнь давно мечтала объ этомъ»; «русскій народъ появился на страницахъ Пушкина»; «протестъ сталъ передъ нимъ наболѣвшимъ вопросомъ»; «Іоаннъ

Грозный при случаѣ оставлялъ жену и готовъ былъ жениться на другой»; «незавидными красками рисуется намъ картина»; «планъ не очень ясенъ, вслѣдствіе неоконченной повѣсти»; «ничего неимущій мужикъ»; «былины, въ которыхъ были попытки обработанныхъ новыхъ сюжетовъ»; «знакомство съ нравами и бытами русскаго народа»; «ложь кажется Чацкому въ поступкахъ Софьи»; «когда произошло переселеніе народовъ, былины вмѣстѣ съ народами пришли на сѣверъ»; «Татьяна, прежде чѣмъ раскрыть свои объятія, вступаетъ въ единеніе съ разумомъ»...

Чѣмъ же объясняются всѣ тѣ факты, которые сгруппированы были выше (едва ли нужно говорить о томъ, что это—лишь случайная и небольшая, сравнительно, выборка изъ поистинѣ необъятнаго матеріала, какой педагогическая практика ежегодно предоставляетъ въ распоряженіе преподавателя словесности, придающаго значеніе вопросамъ синтаксиса и стилистики)?.. Кое-что, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести на долю волненія, такъ легко овладѣвающаго учащимися, особенно если для письменной работы дается сравнительно мало времени. Нѣкоторые, приведенные выше примѣры заимствованы изъ экзаменаціонныхъ сочиненій, для которыхъ времени отводится, наоборотъ, болѣе, чѣмъ достаточно, которыя, съ другой стороны, возбуждаютъ и нервируютъ молодежь, какъ и, вообще вся процедура экзаменовъ, все равно письменныхъ или устныхъ. Но подобными причинами нельзя все же объяснять всѣхъ искаженій русской рѣчи, иногда—завѣдомо безсмысленныхъ и нелѣпыхъ выраженій, о которыхъ только что говорилось.

Когда подобнаго рода дефекты отмѣчаются гдѣ-нибудь на окраинахъ Россіи, часто является желаніе относить все это на счетъ смѣшаннаго національнаго состава учащихся, воздѣйствіе «инородческой» среды, мало знакомой съ духомъ русскаго языка и невольно вліяющей на дѣ-

тей изъ чисто-русскихъ семей, безсознательно усваивающихъ неправильные или безжизненные обороты, которые, повидимому, должны были быть имъ совершенно чуждыми. Тѣмъ, кто бывалъ на окраинахъ, знакомы тѣ специфическія особенности, какими тамъ отличается зачастую русская рѣчь, проникающая и въ стѣны школы въ искаженномъ и обезцвѣченномъ видѣ, что неминуемо отражается въ классныхъ и домашнихъ работахъ. Связанный съ переживаемыми нами событіями притокъ бѣженцевъ, дѣти которыхъ поступили въ учебныя заведенія центральной Россіи, лишній разъ напомнилъ обо всѣхъ этихъ недочетахъ окраинной рѣчи. Но увы!—сгрупированные только что примѣры взяты изъ работъ ученицъ московскихъ гимназій, притомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—отнюдь не принадлежащихъ къ семьямъ инородцевъ или иностранцевъ... Нѣкоторые образцы нескладной, топорной или младенчески-безпомощной рѣчи, которые болѣе всѣхъ другихъ производятъ впечатлѣніе чего-то безконечно далекаго отъ истиннаго духа русскаго языка, извлечены были какъ разъ—изъ сочиненій ученицъ, выросшихъ въ такой обстановкѣ, которая исключала всякую возможность хотя бы отдаленнаго вліянія нерусскаго элемента, иногда вышедшихъ изъ старыхъ купеческихъ или мѣщанскихъ семей. И вотъ эти-то именно ученицы думали, что можно «надѣяться въ будущее», «дѣлать побѣды», «оказывать на кого-нибудь вниманіе!».

Приходится доискиваться другихъ причинъ этой печальной порчи русскаго языка, которая все болѣе получаетъ характеръ общераспространеннаго явленія. Одна изъ этихъ причинъ, безспорно, коренится въ отсутствіи вдумчивости и сознательнаго отношенія къ дѣлу, въ безпечномъ, до крайности, взглядѣ на все, что касается правильности, чистоты и изящества какъ письменной, такъ и устной рѣчи... Что на *орѳографію* слѣдуетъ поневолѣ обращать вниманіе, это ясно для большинства, такъ какъ орѳографическія ошибки могутъ «испортить отмѣтку»,

повредить на экзаменѣ. Если не всѣмъ удается выработать себѣ хорошее правописаніе, то, во всякомъ случаѣ у большинства, кромѣ развѣ лицъ, безнадежно индиферентныхъ ко всему, есть желаніе одолѣть эту премудрость и этимъ предохранить себя отъ болѣе или менѣе серьезныхъ непріятностей. Стилистическіе недочеты или даже грубыя ошибки въ этой области представляются, наоборотъ, чѣмъ-то, сравнительно, маловажнымъ, не влекущимъ за собою нежелательныхъ послѣдствій и поэтому не заслуживающимъ особенно серьезнаго вниманія. До извѣстной степени въ данномъ случаѣ виновата бываетъ и школа, которая иногда очень мало вниманія удѣляетъ выработкѣ слога, пробужденію въ учащейся молодежи любви къ русскому языку и стремленія бережно обращаться съ нимъ, какъ съ нашимъ общимъ, дорогимъ достояніемъ, предметомъ нашей законной гордости, связаннымъ съ дѣятельностью крупныхъ первоклассныхъ писателей.

Если безграмотность въ области правописанія преслѣдуется, причемъ временами эта борьба съ безграмотностью получаетъ особенно настойчивый и энергичный характеръ, то гораздо меньше значенія придается борьбѣ съ вопіющею *беграмотностью слога,* которая также является крупнымъ зломъ!.. Самая оцѣнка погрѣшностей противъ чистоты и красоты рѣчи, въ значительной степени, носитъ неоднородную, въ отдѣльныхъ случаяхъ, окраску, является чѣмъ-то вполнѣ субъективнымъ,—то болѣе строгимъ и требовательнымъ, то, наоборотъ, довольно снисходительнымъ! Учащіеся знаютъ, что грамматическая ошибка будетъ отмѣчена и подчеркнута любымъ преподавателемъ, каковы бы ни были его личные взгляды,—но нѣтъ ничего болѣе разнороднаго, чѣмъ оцѣнка слога: тѣ выраженія, которыя одинъ преподаватель оставитъ безъ вниманія, хотя бы и не считая ихъ особенно желательными, будутъ другимъ причислены къ существеннымъ дефектамъ ученической работы, портящимъ ея общее впечатлѣніе. Преподаватели словесности, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ,

являются и литераторами, всегда оказываются въ такихъ случаяхъ значительно болѣе строгими.

Какъ бы то ни было, очень многія шероховатыя, нескладныя или совершенно невозможныя выраженія, попадающіяся въ гимназическихъ сочиненіяхъ, объясняются тѣмъ, что ученицы, не считая слогъ чѣмъ-нибудь существенно важнымъ и заслуживающимъ серьезнаго вниманія, мало вдумываются въ истинный смыслъ различныхъ оборотовъ, которые онѣ употребляютъ и устно лишь по привычкѣ, притомъ иногда съ ошибками и неточностями! На этой почвѣ создаются нерѣдко поразительные курьезы. На протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, при томъ въ *разныхъ* учебныхъ заведеніяхъ, мнѣ два или три раза пришлось сталкиваться съ чисто-анекдотическою ошибкою: скр*и*пя сердц*емъ*»,—смѣсто «скрѣпя сердце». Понятно происхожденіе этой ошибки: истинный смыслъ выраженія «скрѣпя сердце» всегда оставался непонятнымъ тѣмъ, кто могъ ошибиться въ этомъ случаѣ, и это фигуральное выраженіе повторялось по традиціи, или изъ подражанія другимъ, при чемъ, когда понадобилось перенести его на бумагу, это оказалось далеко не легкимъ. Совершенно такъ же, когда въ ученической работѣ попадается фраза «онъ берегъ его, какъ *денницу* ока» это не только служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что писавшая не отличаетъ *денницу* отъ *зѣницы*, но и показываетъ, что слова «какъ зѣницу ока» вообще представляютъ для нея лишь извѣстное сочетаніе звуковъ, безъ опредѣленнаго конкретнаго содержанія... Эти слова гдѣ-то были прочитаны или услышаны отъ кого-то,—и вотъ они вставляются въ сочиненіе—по памяти,—и результаты получаются достаточно плачевные. Можно было бы привести еще длинный рядъ примѣровъ тѣхъ стилистическихъ ошибокъ и неточностей, которыя объясняются исключительно недостаткомъ вдумчивости, сосредоточенности и сознательнаго отношенія къ дѣлу.

Это сказывается даже тамъ, гдѣ, повидимому, это было

невозможно: въ цитатахъ изъ литературныхъ произведеній, правда, иногда—лишь приблизительно точныхъ: ученица хочетъ процитировать негодующія рѣчи Простаковой о заболѣвшей Палашкѣ, которая лежитъ и бредитъ, «точно благородная», когда ее зоветъ госпожа, — и влагаетъ ей въ уста безсмысленное восклицаніе: *бредитъ бѣдствіе.* У Фонвизина неразборчивая насчетъ выраженій и эпитетовъ крѣпостница называетъ заочно Палашку *бестіей*; здѣсь это слово замѣнено другимъ, похожимъ на него, но, конечно, совершенно неумѣстнымъ. Невниманіемъ — или нежеланіемъ вдуматься въ истинный смыслъ употребляемыхъ выраженій объясняется приведенная выше фраза относительно «*дурного, гуманнаго* отношенія къ крестьянамъ». Если въ домашнемъ или классномъ сочиненіи говорится о томъ, что древнерусскій лѣтописецъ «*сочувственно* относился къ междоусобіямъ князей», это конечно, нужно понимать, какъ разъ, наоборотъ, — или, вѣрнѣе, это должно означать, что лѣтописецъ принималъ близко къ сердцу эти междоусобія. Изъ одного сочиненія мы узнаемъ, что первый самозванецъ бодро продвигался къ престолу, «*называя себя Лжедимитріемъ*», — при чемъ автору этой работы, конечно, и въ голову не приходило, что самозванецъ, который открыто признавалъ бы себя самозванцемъ, конечно, и дня не прожилъ бы во главѣ войскъ и народа... Въ другомъ случаѣ подлинный царевичъ Дмитрій, сынъ Іоанна Грознаго, превратился въ «*царя Дмитріевича*».

Подобнаго рода ошибки или описки производятъ всегда досадное и грустное впечатлѣніе на преподавателя, несмотря на то, что съ внѣшней стороны онѣ кажутся только смѣшными и потѣшными. Какъ-то особенно обидно сталкиваться съ такого рода дефектами, которые вредятъ ученической работѣ, кажутся иногда какимъ-то издѣвательствомъ надъ русскимъ языкомъ,—и между тѣмъ могли бы легко отсутствовать, при наличности большаго вниманія и готовности вдуматься въ смыслъ тѣхъ словъ и

выраженій, которыя иногда такъ быстро появляются на страницахъ ученической тетрадки, создавая впечатлѣніе небрежности и поверхностнаго отношенія къ работѣ.

Школа, несомнѣнно, должна еще очень много сдѣлать для того, чтобы учащіеся привыкли *еще въ младшихъ классахъ* относиться съ уваженіемъ и любовью къ родной рѣчи, не считая, что «только бы *ѣ* вѣрно поставить, *ее* и *ея* не спутать, а слоговыя ошибки—пустяки!..» Но скажемъ прямо — не въ одной все же школѣ тутъ дѣло! Многое изъ того, что предпринимается въ этомъ направленіи школою и преподавателями русскаго языка, парализуется окружающею дѣйствительностью. Если учащимся сплошь да рядомъ приходится сталкиваться съ примѣрами вопіющей безграмотности, которые сбиваютъ ихъ съ толку, бросаясь имъ въ глаза всюду, начиная съ вывѣсокъ и объявленій въ окнахъ магазиновъ, то и безграмотность слоговая на каждомъ шагу заявляетъ о себѣ, пріучая молодежь къ тому, что можно выражаться «на разные лады», что никакихъ особенныхъ правилъ не существуетъ, что въ концѣ-концовъ все это вообще совсѣмъ не важно... Если въ окнѣ игрушечной лавки, гдѣ-нибудь на самой людной улицѣ города, учащіеся младшаго возраста видятъ объявленіе о продажѣ «неразбивающ*щихъ* куколъ», если на вербномъ торгу ихъ обступаютъ продавцы животре*пящихъ* бабочекъ», а реклама кинематографа обѣщаетъ показать «*міровой боевикъ*, идущій всюду при *переполненныхъ сборахъ*», то и въ ежедневной прессѣ молодежь не можетъ найти образцовъ слога, которымъ можно было бы слѣдовать безъ колебаній и сомнѣній. Вопросъ о томъ, какъ испортилась русская рѣчь въ газетномъ обиходѣ, уже не разъ затрогивался и представляетъ собою нѣчто настолько важное и вмѣстѣ съ тѣмъ безотрадное и безнадежное, что заслуживалъ бы стать предметомъ спеціальнаго обширнаго изслѣдованія... Въ данномъ случаѣ отнюдь нельзя утѣшать себя тѣмъ, что уродованіе русскаго языка происходитъ лишь въ

органахъ той печати, которую принято называть пренебрежительно *уличною* или *бульварною* или какъ это иногда дѣлаютъ, сваливать всю вину на «инородческій» элементъ, проникающій въ среду газетныхъ работниковъ. Дефекты слога и здѣсь, какъ и въ мірѣ школы, только отчасти могутъ объясниться этою постороннею примѣсью; съ другой стороны, они встрѣчаются нерѣдко и въ такихъ органахъ, которые, во всякомъ случаѣ, не подходятъ подъ вышеприведенную квалификацію, считаются болѣе солидными и серьезными.

Учащіеся старшихъ классовъ иногда довольно усердно читаютъ ежедневныя газеты, что, какъ извѣстно, нерѣдко влекло за собою даже репрессивныя мѣры со стороны школьной администраціи, находившей подобное чтеніе нежелательнымъ... Въ данный моментъ (какъ это было и въ 1905—06 годахъ) газеты, естественно, вызываютъ особый интересъ, въ виду желанія учащихся слѣдить за ходомъ военныхъ событій, быть въ курсѣ всего того, что совершается на полѣ брани и тѣмъ болѣе, если тамъ находится кто-либо изъ лицъ, имъ близкихъ. И вотъ, раскрывая газетный листъ, они находятъ тамъ сообщеніе о томъ, что такой-то министръ «*изъявилъ согласіе на возможность* принятія рѣшительныхъ мѣръ», что дѣйствія противника «*пружинятъ* наше наступленіе», что непріятельская морская экспедиція предпринята была въ виду «*ограбности*» побережья, но что при этомъ число военныхъ снарядовъ было «*исчезающе мало*». Если подъ вліяніемъ чтенія статей съ такого рода курьезами въ ученическомъ сочиненіи появится вскорѣ послѣ этого «ограбность» или «согласіе, изъявленное на возможность», преподавателю русскаго языка очень трудно будетъ доказать, что *такъ никто не говоритъ*: газетные столбцы покажутся учащимся краснорѣчивымъ опроверженіемъ этихъ словъ... Вѣдь и въ наши дни многимъ, да и не изъ одной только молодежи, все еще «всякъ печатный листъ быть кажется святымъ»!

цѣль повременной печати, гдѣ поневолѣ сказывается извѣстная спѣшка, съ которою связано далеко не бережное обращеніе съ русскою рѣчью, является, въ общемъ, довольно важною въ кругу тѣхъ причинъ, которыя приводятъ къ низкому стилистическому уровню письменныхъ работъ, домашнихъ и классныхъ. Кстати, въ наши дни получилось любопытное явленіе: нерѣдко указывалось на упадокъ русской юмористики, на безцвѣтность и сомнительную веселость нашихъ юмористическихъ изданій, но за послѣднее время положеніе вещей какъ бы немного измѣнилось съ той поры, когда въ иныхъ журналахъ введенъ былъ отдѣлъ, спеціально посвященный различнымъ курьезамъ, взятымъ изъ газетныхъ, отчасти — журнальныхъ статей. Если въ другихъ отдѣлахъ много натянутаго, искусственнаго, вымученнаго, то здоровый, искусственный смѣхъ вызывается у читателя только здѣсь, гдѣ примѣры взяты изъ подлинныхъ статей и замѣтокъ, авторы которыхъ и не подозрѣвали, конечно, что ихъ произведенія, написанныя вполнѣ серьезно, послужатъ желаннымъ матеріаломъ для пополненія юмористическихъ изданій. Но если подобные курьезы и нелѣпости невольно вызываютъ смѣхъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они способны навести и на мысли отнюдь не веселаго характера, особенно—если имѣть въ виду интересы молодежи, сбиваемой съ толку этимъ тяжеловѣснымъ и неудобопонятнымъ слогомъ.

Въ заключеніе нельзя не коснуться той роли, какую играетъ *литература*, точнѣе—беллетристика, въ дѣлѣ порчи слога учащихся. Конечно, очень многіе недочеты этого слога нельзя ставить въ вину литературѣ: мы видѣли, что приходится имѣть дѣло просто съ извѣстными образчиками недомыслія или поверхностнаго отношенія къ работѣ, которые, понятно, нельзя приводить въ зависимость отъ увлеченія тѣми или другими писателями. Кое что приходится, однако, отнести и на долю вліянія литературы. Нужно прежде всего установить, вообще, тотъ фактъ, что наша словесность далеко не всегда удѣляла

достаточно вниманія заботѣ о правильности и тщательной отдѣлкѣ слога. Когда мы читаемъ о французскихъ авторахъ, способныхъ нѣсколько дней потратить на шлифовку отдѣльной фразы, которая имъ почему-либо не удавалась, или выносившихъ настоящія терзанія потому только, что у нихъ получалось гдѣ-нибудь созвучіе или повтореніе словъ одного корня на близкомъ разстояніи, намъ это кажется страннымъ, узкимъ, педантичнымъ. Произведенія французскаго «классика» никогда не являются интересными только *по содержанію*,—они непремѣнно должны быть тщательно обработаны и въ отношеніи формы, такъ чтобы отрывки изъ нихъ могли смѣло фигурировать въ хрестоматіяхъ, въ качествѣ образчиковъ безукоризненнаго стиля. У насъ дѣло обстоитъ иначе. У насъ возможно произведеніе классическое, выдающееся, составившее эпоху, производящее, можетъ быть, и теперь громадное впечатлѣніе и въ то же время не свободное отъ шероховатостей и неправильныхъ оборотовъ.

Нужно ли вспоминать о тѣхъ отрицательныхъ особенностяхъ языка Гоголя, которыя давно уже были отмѣчены, на ряду съ его достоинствами, въ частности—въ монографіи проф. Мандельштамма, «Характеръ гоголевскаго стиля»? Что языкъ творца «Вечеровъ на хуторѣ» и «Мертвыхъ душъ» въ общемъ ярокъ, красоченъ и образенъ, на этотъ счетъ, конечно, не можетъ быть разногласій, но неправильные, несвойственные живой русской рѣчи обороты, какіе у него, на ряду съ этимъ, попадаются далеко не рѣдко, нельзя все же игнорировать. Бываютъ случаи, когда преподаватель подчеркиваетъ въ гимназическомъ сочиненіи тотъ или другой оборотъ или отдѣльное слово и слышитъ отъ обиженной этимъ, какъ не справедливостью, ученицы, возраженіе, что вѣдь у Гоголя тоже этотъ оборотъ употребляется,—такъ неужели же и Гоголь не зналъ, какъ писать...

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Когда мы читаемъ произведенія Льва Толстого, мощь и проникновенность круп-

наго таланта настолько захватываютъ насъ, что мы невольно забываемъ обо всемъ остальномъ и поддаемся обаянію творчества писателя, раскрывающаго передъ нами тайники человѣческаго сердца и затрогивающаго вѣчные, никогда не утрачивающіе значенія вопросы. Но попробуемъ трезво, спокойно и объективно перечесть тѣ же самыя страницы, обращая вниманіе на особенности слога, строеніе фразы, употребленіе тѣхъ или другихъ оборотовъ: впечатлѣніе получится, мѣстами, совершенно иное. На ряду съ поразительными по силѣ и яркости отрывками, бросятся намъ въ глаза и такіе, которые заключаютъ въ себѣ повторенія однихъ и тѣхъ же, или созвучныхъ, словъ, тяжелые періоды, отдѣльныя погрѣшности противъ синтаксиса; примѣры всего этого можно встрѣтить на всемъ протяженіи творчества великаго писателя,—до такихъ позднихъ произведеній, какъ «Воскресеніе», включительно. Едва ли не каждый преподаватель русскаго языка и словесности подчеркнулъ бы въ ученическомъ сочиненіи такія фразы, какъ, напримѣръ: «выходя оттуда, плечи у нея подергивались отъ всхлипываній», «многое еще передумалъ и *перечувствовалъ* онъ въ то короткое время, пока продолжалось это *чувство*»,—между тѣмъ первая фраза находится въ VI главѣ «Юности», вторая въ «Севастопольскихъ разсказахъ»... Нужно ли говорить о томъ, что это—случайно выхваченные, можетъ быть, даже не самые характерные въ данномъ случаѣ примѣры? Несомнѣнно одно: когда преподаватель начинаетъ вести борьбу съ различными дефектами слога и синтаксическими неправильностями, когда онъ, въ частности, возстаетъ противъ совершенно невозможнаго сокращенія, типа: «войдя въ комнату, письмо лежало на моемъ столѣ», онъ долженъ быть готовымъ къ возраженію: «а какъ же у Толстого попадается, сплошь да рядомъ такое сокращеніе? вѣдь писалъ же онъ: *„оставшись наединѣ со своими мыслями, первымъ чувствомъ Володи былъ страхъ"*? И, хотя учитель можетъ, конечно, прекрасно объяснить,

въ чемъ тутъ дѣло, въ умѣ учащихся все же останется нѣкоторое недоумѣніе: почему это въ какомъ-нибудь классномъ сочиненіи признается ошибкою и подчеркивается красными чернилами то самое, что допускалъ въ своихъ произведеніяхъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей, повидимому, лучше знавшій духъ русской рѣчи...

Новѣйшую русскую литературу слѣдуетъ, въ данномъ случаѣ, поставить особо. Есть лица среди учащейся молодежи, которыя находятся подъ сильнымъ вліяніемъ этой литературы, стараются подражать ей, заимствовать изъ нея отдѣльныя выраженія. Достаточно извѣстны особенности ученическаго чтенія, въ тѣхъ случахъ, когда оно лишено системы и правильнаго руководства; лица, дѣйствующія въ средней школѣ, знаютъ, что отнюдь не рѣдкими или исключительными являются такіе случаи, когда учащіеся читаютъ Леонида Андреева раньше Гоголя, «Санина» раньше «Рудина», заявляютъ тѣмъ, кому они могутъ говорить все откровенно, что «Мертвыя души»—скука страшная, прямо дочитать трудно, а вотъ «Ключи счастья»—интересная, занятная вещь, оторваться нельзя! То же и относительно поэтовъ: какими кажутся инымъ отжившими, слишкомъ элементарными и простыми по языку, и въ противовѣсъ имъ возвеличиваются не только Бальмонтъ, Блокъ или Андрей Бѣлый, но и самоновѣйшіе авторы, въ родѣ нѣкоторыхъ футуристовъ, и въ особенности Игоря Сѣверянина, «поэзо-вечера» котораго такъ усердно посѣщаются, въ частности, женскою учащеюся молодежью. Есть и отдѣльные западно-европейскіе писатели, болѣе полюбившіеся учащимся, хотя послѣдніе, по большей части, знакомятся съ ними лишь въ переводахъ. Была одно время такая полоса, что однимъ изъ кумировъ былъ Пшибышевскій, изъ сочиненій котораго значительною популярностью пользовался «Homo sapiens». Это имѣло своимъ результатомъ то, что въ классныхъ и домашнихъ сочиненіяхъ стали появляться иногда какія-то фразы, мало умѣстныя въ данномъ случаѣ, но

представлявшія собою какое-то отдаленное подражаніе манерѣ польскаго автора.

Нужно замѣтить, что тамъ, гдѣ учащіеся стремятся прежде всего имитировать, по мѣрѣ силъ, какого-нибудь автора, это, какъ нарочно, никогда не бываетъ удачно, имѣетъ поверхностный характеръ, сопровождается утрировкою, крайностями, часто вводится совершенно некстати. Для тѣхъ, кто хочетъ непремѣнно писать въ духѣ модернистовъ, создается, во всякомъ случаѣ, еще новый авторитетъ, который также можно противопоставлять стѣснительнымъ требованіямъ правильности и чистоты слога, — на который можно, хотя бы про себя, ссылаться, вводя необычные обороты, сравненія, эпитеты... Это увлеченіе отражается даже въ мелочахъ, имѣющихъ чисто внѣшній характеръ: укажите, напримѣръ, лицу, которое хочетъ, во что бы то ни стало, слѣдовать послѣдней модѣ, на нежелательность того, чтобы въ извѣстной фразѣ стояли рядомъ 4—5 словъ, начинающихся съ одной и той же согласной,—и, быть можетъ, вы услышите робкое или болѣе рѣшительное указаніе на то, что вотъ у такого-то современнаго поэта есть стихотвореніе, гдѣ подобрано семь или восемь словъ сряду, которыя всѣ начинаются съ одного и того же звука,—«и это такъ красиво!»... Конечно, нужно признать вліяніе плохо усвоенныхъ литературныхъ образцовъ, взятыхъ изъ новѣйшей беллетристики и поэзіи, все же не столь распространеннымъ, какъ нѣкоторыя другія причины, безконечно отдаляющія слогъ современныхъ ученическихъ работъ отъ лучшихъ традицій русской словесности и литературной рѣчи.

За все время существованія новой русской словесности не было недостатка въ прочувствованныхъ, дышащихъ глубокою убѣжденностью обращеніяхъ къ русскому языку, прославлявшихъ его богатство, красоту и мощь. Отъ Сумарокова и Ломоносова до Тургенева, съ его знамени-

тымъ стихотвореніемъ въ прозѣ «Русскій языкъ», не прекращались эти прославленія русской рѣчи, какъ предмета національной гордости, источника смѣлыхъ упованій, или опоры и утѣшенія въ пору сомнѣній и невзгодъ. И вотъ этотъ же самый могучій и свободный языкъ, «способный ко всему», по выраженію поэта XVIII столѣтія, можетъ, какъ мы видѣли, получать совсѣмъ другой характеръ, становиться блѣднымъ, слабымъ, тяжеловѣснымъ или вымученнымъ. Не будемъ себя утѣшать тѣмъ, что вѣдь въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о школѣ, о юныхъ существахъ, еще не далеко ушедшихъ отъ дѣтскихъ лѣтъ, не успѣвшихъ себѣ выработать правильнаго и выразительнаго слога! Есть нѣкоторыя вещи, которыя усваиваются очень рано, иногда даже не требуютъ особаго изученія, такъ какъ являются какъ бы прирожденными. Иные дефекты стиля носятъ такой элементарный характеръ, находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ духомъ русскаго языка, что ихъ можно было бы избѣгнуть безъ всякаго спеціальнаго изученія и изслѣдованія, просто въ силу извѣстнаго внутренняго чутья!

Если на школу вліяетъ окружающая дѣйствительность, въ данномъ случаѣ играющая слишкомъ часто отрицательную роль, такъ какъ она пріучаетъ молодежь съ самыхъ раннихъ поръ относиться безпечно или безучастно къ вопросамъ слога и формы, то въ свою очередь эта школа, подготовляющая тѣхъ, кто потомъ войдетъ въ жизнь, можетъ выработать въ нихъ то или другое отношеніе къ этимъ вопросамъ, да и къ родному языку вообще!.. Несомнѣнно, вопросъ о «порчѣ» языка заслуживаетъ возможно болѣе серьезнаго и разносторонняго изученія; съ этой порчей слѣдуетъ бороться, какъ съ крупнымъ зломъ,—и въ стѣнахъ школы, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо! Нужно расширить и углубить самое понятіе «безграмотности». Тотъ, чья рѣчь не свободна отъ такихъ выраженій, какъ «дурные недостатки», «плохіе пороки», «дикій безудержъ», «мысли на свободу» или «типъ

дѣвушки, не выѣзжавшійся никуда», въ своемъ родѣ столь же безграмотенъ, какъ и тотъ, кто не считается съ правописаніемъ. Во имя того значенія русскаго языка, которое было отмѣчено въ знаменитомъ «стихотвореніи въ прозѣ», слѣдуетъ добиваться такого положенія вещей, при которомъ бережное, любовное отношеніе къ родной рѣчи будетъ совершенно обычнымъ явленіемъ.

g.qp. VI. 1955

